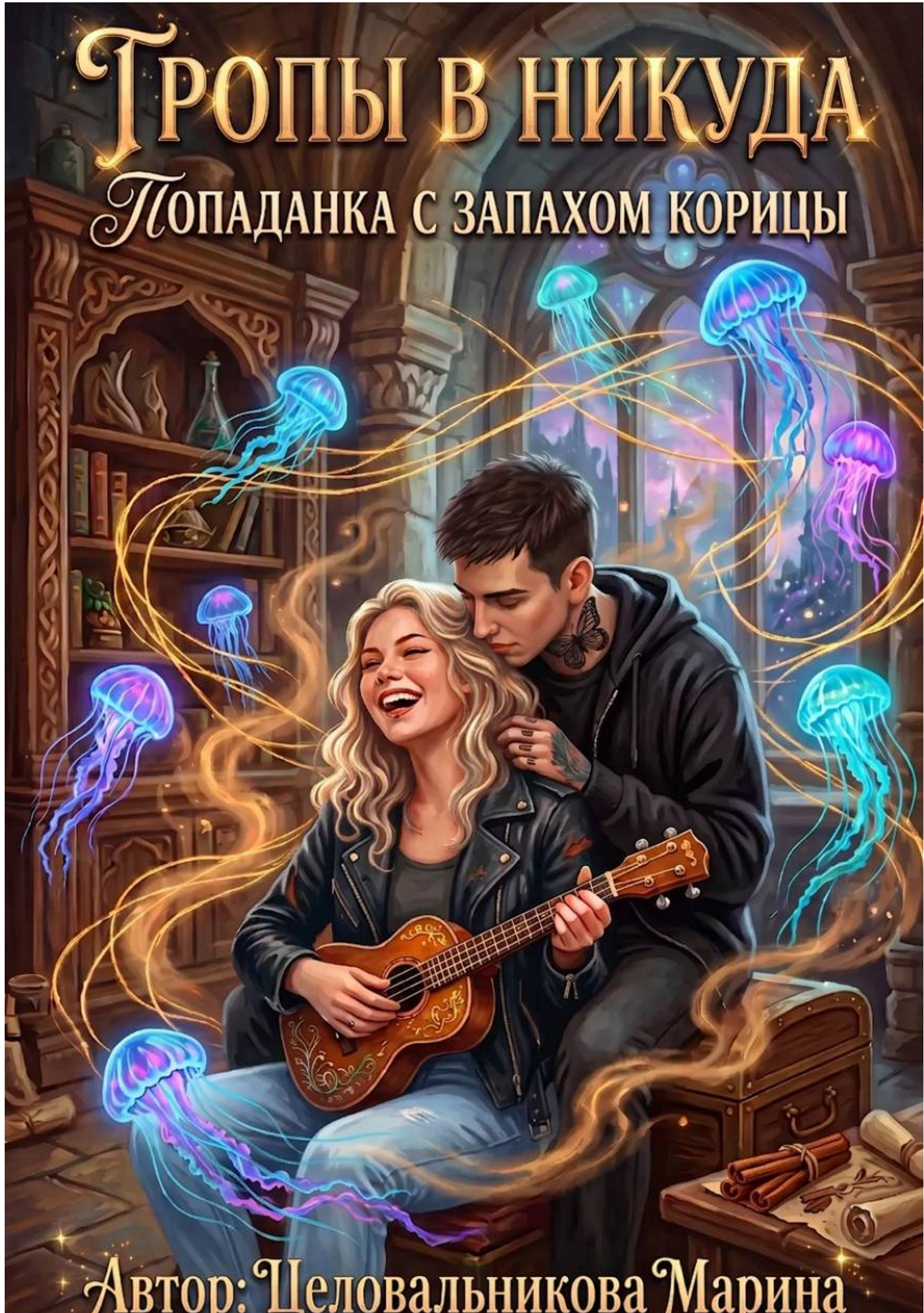

ТРОПЫ В НИКУДА

Попаданка с запахом корицы

Автор: Целовальникова Марина

Марина Целовальникова

**Тропы в никуда. Попаданка
с запахом корицы**

«Автор»

2026

Целовальникова М.

Тропы в никуда. Попаданка с запахом корицы /
М. Целовальникова — «Автор», 2026

Когда музыка становится оружием, а дом превращается в тюрьму, как выбрать между спасением и свободой? Особенно если цена спасения — капля твоей души...

© Целовальникова М., 2026

© Автор, 2026

Марина Целовальникова

Тропы в никуда. Попаданка с запахом корицы

Книга По Умолчанию Категория По Умолчанию

Без названия

Глава 1. Последний день

— Ох, работа, работа, работа... — простонала Анна в подушку, не открывая глаз. — Подработки. А скоро ещё и учёба... Телефон на тумбочке коротко завибрировал. Можно было не смотреть, она и так знала, кто это.

«Привет, ты проснулась?»

Мама. Каждое утро, ровно в семь, как будильник, только надёжнее. Будильник Анна могла выключить и проспать. Маму — никогда.

«Да», — напечатала она одним пальцем, подумала и добавила сердечко. Потом со вздохом спустила ноги на холодный линолеум.

Съёмная однушка тихого городка встретила её привычной утренней серостью: продавленный диван, стопка учебников на подоконнике, кружка с засохшим чайным пакетиком, которую Анна третий день обещала себе помыть. Она собрала белокурые кудряшки в небрежный пучок, прошлёпала в ванную и взяла зубную щётку.

По щетине пробежали рыжие усы.

Анна взвизгнула и швырнула щётку через всю ванную. Та ударилась о кафель и отскочила в угол, а из неё деловито выбрался таракан. Он пошуршал лапками, оскорблённо пошевелил усами и неспешно уполз под ванну. Видимо, такого полёта с утра он не ожидал.

— Рыжик, ну ты и сволочь, — с чувством сказала ему вслед Анна.

Рыжиком она назвала его неделю назад, когда поняла, что вывести тараканов в этой квартире не получится, а значит, придётся как то сосуществовать. Это не помогло. Привыкнуть к ним она так и не смогла.

Она подобрала щётку, долго и брезгливо полоскала её под горячей водой и всё таки почистила зубы, стараясь не думать, где этот таракан побывал до того.

На кухне зашипел чайник. Анна насыпала в кружку две ложки дешёвого растворимого кофе, забралась с ногами на табуретку и уставилась в окно.

А за окном была красота. Конец октября, но солнце светило так, будто перепутало месяц. Клёны у подъезда горели жёлтым и багряным, листья кружились над детской площадкой и ложились на асфальт пёстрым ковром. Даже облезлые пятиэтажки напротив в этом свете казались почти уютными.

«Всё таки жизнь бывает прекрасной», — подумала Анна и улыбнулась сама себе.

Может, после смены не сидеть дома, а прогуляться? Или вообще сорваться в свой родной город, к маме? Электричка, пара часов, а там — мамины пироги, старый плед, её комната, где до сих пор висят школьные грамоты. Скоро ведь день рождения. Девятнадцать.

Странная цифра. Вроде совсем недавно она сидела за партой и списывала у соседки алгебру, а уже и колледж позади, и впереди вышка — заочка, психолог начальных классов. Можно было пойти просто на психолога, но так было дешевле, да и детей она любила. Ей вообще всё было интересно: почему люди злятся, почему врут, почему одни ломаются, а другие нет. Вопросы лезли в голову сами, особенно вот так, над остывающим кофе.

Анна взглянула на часы и подавилась.

— Чёрт!

Кофе плеснул на футболку. Она метнулась в комнату, натянула джинсы, сунула в карман телефон — двенадцать процентов, зарядить опять забыла — и схватила кожанку. Уже в дверях вернулась за укулеле, сунула её в рюкзак рядом с зарядкой, которой всё равно не было смысла пользоваться в подсобке без розетки, и вылетела в подъезд.

Хорошо хоть до «Пятёрочки» было бежать пять минут.

Укулеле она таскала с собой всегда. Маленькая, дешёвая, с потёртой декой — подарок мамы на шестнадцатилетие. Когда день шёл наперекосяк, а такие дни теперь случались постоянно, Анна запиралась в подсобке на обеде и тихонько перебирала струны. Весёлые песни, грустные — под любое настроение.

Чаще всего пальцы сами находили одну мелодию: колыбельную, которую мама пела ей в детстве. Мама говорила, что это старинная песня, но Анна никогда не слышала её больше ни от кого и ни разу не нашла в интернете.

Играла она теперь редко. Работа съедала почти всё. Но укулеле всё равно была с ней, на всякий случай.

— Анна, здравствуй. Почему опять не по форме?

Администратор Олег Викторович стоял у служебного входа, будто караулил её с самого открытия. Тонкие губы, вечно недовольный прищур, бейджик, который он поправлял по десять раз за час.

Опять этот вопрос. Как же он надоел.

— Я только пришла. Сейчас переоденусь, — ровно сказала Анна, проходя мимо.

— Да уж, будьте так любезны.

Анна промолчала, глуша бурю в душе. Застегнула зелёную форменную жилетку так резко, что чуть не оторвала пуговицу.

«Вот же сраный ушлёпок. Умеет испортить настроение с порога».

Суббота — худший день для кассира. Люди шли бесконечным потоком: семьи с полными тележками, студенты с пивом и чипсами, пенсионеры, пересчитывающие мелочь на ладони. Анна пробивала, улыбалась, говорила «пакет нужен?» и «карта магазина есть?» так часто, что слова потеряли смысл.

Около одиннадцати очередь вдруг загудела и сломалась.

Сквозь людей пёр мужик — толстый, багровый, в рваной куртке и штанах, по которым явно потопталась жизнь. В руке он сжимал бутылку водки, будто боялся, что её отнимут.

— Слышь, пробей мне. Срочно надо, — он грохнул бутылку на ленту, отпихнув чужие продукты.

— Встаньте в очередь, пожалуйста, — сказала Анна, чувствуя спиной, как закипают люди позади.

— Какая очередь?! Мне надо, сказал!

Он начал орать, что ничего ждать не собирается, а потом и вовсе полез через ленту к сканеру — пробивать сам. Анна отшатнулась вместе со стулом. К счастью, охранник Саня оказался рядом быстрее, чем она успела испугаться по настоящему: подхватил мужика под локоть и, не слушая брани, вывел на улицу.

— Вот алкаш ненормальный, — пробормотала маленькая бабушка в цветастом платке, выкладывая на ленту кефир, батон и пачку гречки.

— Да уж, утро не задалось, — натянуто улыбнулась Анна. Руки у неё всё ещё подрагивали.

— Да не беспокойся, дочка. Всё нормально будет. Не обращай внимания на этого идиота. Сосед он мой, неделю уже водку свою жрёт, скоро в больницу увезут, — вздохнула бабушка.

Уже расплатившись, она порылась в пакете, достала карамельку в шуршащей обёртке и вложила Анне в ладонь.

— Это тебе. За терпение.

— Спасибо, — сказала Анна и впервые за утро улыбнулась по настоящему.

После неё было ещё человек двести. Потом Анна раскладывала в морозилке мороженое, пока пальцы не онемели. В обед, как обычно, купила баночку энергетика, но пить не стала: решила оставить на вечер, на дорогу домой.

Уже в подсобке, разворачивая бабушкину карамельку, она вспомнила: мама просила позвонить. Вечером, после работы, поговорить нормально, а не сердечками. Анна знала, что вечером будет мёртвая от усталости, ляжет и не позвонит. Как всегда.

«Завтра приеду и всё расскажу лично», — пообещала она себе.

День прошёл более менее спокойно.

За полчаса до конца смены Анна, как и многие кассиры, пробежалась по залу с корзиной: всё по акции, всё жёлтые ценники. Батончики «Bite» с карамелью — три по цене двух.

Фунчоза «Sen Soy» в чёрном лотке на ужин. Бутылка

«Coca-Cola Zero» — со скидкой сорок процентов. Почти пир.

Переодеваться не было сил. Она просто накинула кожанку поверх зелёной жилетки, закинула рюкзак на плечо и вышла в вечер.

Город уже погрузился в темноту. Фонари горели через один, и между ними улица проваливалась в чёрные провалы. Ехать в Муром было поздновато — последняя электричка ушла, — и Анна решила, что поедет завтра с утра. А сейчас хотелось просто пройтись: подышать, послушать, как шуршат под ногами листья, и ни о чём не думать.

Воздух пах дымом, мокрой землёй и чем то горьковатым, осенним. Анна шла медленно, засунув руки в карманы.

Ей показалось, что за спиной кто то идёт.

Она обернулась. Никого. Только ветер гнал по тротуару листья.

Анна прошла ещё немного и снова почувствовала это — взгляд в затылок. Обернулась резко.

Под дальним фонарём стояла фигура. Тёмная, неподвижная. Капюшон надвинут так низко, что лица не разглядеть. Не понять даже, мужчина это или женщина. Фигура просто стояла и, Анна была почти уверена, смотрела прямо на неё.

«Показалось. Человек ждёт такси. Или курит», — сказала она себе и отвернулась.

Чтобы отвлечься, она достала из рюкзака энергетик, с щелчком открыла банку и сделала большой глоток. Холодная сладкая жидкость разлилась в груди приятной прохладой.

«Ох, как же хотелось наконец то», — подумалось ей.

Но фигура не давала покоя. Анна начала оборачиваться, чтобы проверить, стоит ли она ещё под фонарём...

...и в этот момент в неё врезалась женщина.

Банка вылетела из руки и покатилась по асфальту, разбрызгивая пену. Анна охнула. Женщина вцепилась ей в рукав куртки мёртвой хваткой. Чёрные волосы, спутанные, будто их неделю не расчёсывали. Лицо худое, бледное. И глаза — серые, светлые, почти прозрачные. Безумные.

— Остерегайся всех! — закричала она прямо Анне в лицо. — Не верь никому! Слышишь? Никому! Они заберут тебя! Спасайся! Беги! Беги и и и!

— Отпустите! — Анна дёрнулась. — Отпустите меня, вы что?! Она с трудом отцепила костлявые пальцы от своей куртки и отступила на шаг. Женщина не моргая смотрела на неё. Рот её остался приоткрытым, будто она хотела крикнуть что то ещё, но в последний момент передумала. В серых глазах вдруг мелькнуло что то совсем не безумное — жалость.

— Тебя не спасти, — прошептала она. — Не спасти тебя.

Она попятилась, потом развернулась и быстрым шагом ушла в сторону тёмного парка. Через несколько секунд её поглотила темнота.

Анна стояла посреди тротуара, тяжело дыша. Сердце колотилось где то в горле. Она обернулась к фонарю.

Фигуры в капюшоне там больше не было.

— Чёрт... — выдохнула Анна, когда наконец смогла говорить. — Что это вообще было? Вот психованная. Энергетик весь разлила... Тьфу. Из дурки, что ли, сбежала?

Голос звучал бодро, но руки предательски дрожали. Всякое желание гулять пропало. Анна поправила рюкзак, в котором глухо стукнула о бутылку колы укулеле, и почти бегом направилась к дому.

Подъезд встретил её темнотой и запахом сырости. Лампочка над входом, разумеется, не горела. Лифт — тоже разумеется — был сломан. Табличка «Ремонт» висела на нём с лета.

— Как всегда, — пробормотала Анна и начала подниматься.

Ноги гудели после двенадцати часов у кассы. Ступенька. Ещё одна. Третий этаж. Она подсвечивала дорогу телефоном. Экран показывал три процента.

На четвёртом свет на лестнице мигнул. Раз. Два.

Анна остановилась и прислушалась. Тишина. Только где то наверху капала вода.

На пятом свет погас совсем.

Телефон в руке мигнул и тоже потух. Темнота стала густой и плотной, хоть руками трогай. Анна нащарила перила, сделала шаг — и нога поехала на чём то мокрым и скользком.

Мир качнулся. Перила вырвались из пальцев.

И она упала.

Глава 2. Укулеле

Боль прошла ладонь раскалённой спицей. — Ауч... — просипела Анна, зажмурившись до цветных пятен под веками. — Как же больно... Она инстинктивно дёрнула руку к себе. Пальцы нащупали что то тёплое, пушистое и отчаянно вцепившееся в кожу мелкими иголками зубов. «Странно, — отстранённо подумала Аня, пытаясь разжать челюсти невидимого зверька. — Я же упала на лестнице. В подъезде. Почему тогда так тепло? И почему под веками не темнота, а какое то розовое марево?» Эта мысль подействовала как ушат ледяной воды. Анна распахнула глаза. Прямо перед её носом, намертво вцепившись в указательный палец, висела красная пушистая рыбка. У неё была острая мышинная мордочка и чёрные бусинки глаз, в которых плескалось чистое, незамутнённое безумие. — Пф ф ф, — выдохнула рыбка, выпустила палец и с плеском исчезла в чёрной, как дёготь, воде. Вода была не просто тёмной. Она мерцала тысячами холодных маслянистых блёсток, будто кто то растворил в озере звёздную пыль. Анна медленно села, подтянула колени к груди и огляделась. Никакого подъезда. Никакой лестницы. Вокруг стеной стояли деревья с неестественно синей, почти светящейся корой, а над головой висело тяжёлое, налитое багрянцем небо. Ни одного фонаря, ни одной пятиэтажки, ни одного звука машин. Только тихий плеск воды и шелест синих листьев. — Так. Спокойно, — пробормотала она и полезла в карман джинсов. — Телефон. Сейчас я позвоню маме... Экран вспыхнул. Три процента. Ни одной полоски связи.

Анна успела увидеть время — 23 47 — и экран погас. Насовсем. — Нет нет нет... Чёрт! Паника подкатила к горлу тошнотворным комом. Анна несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, как учили на парах по психологии: вдох на четыре счёта, задержка, выдох. Дрожь в руках не проходила. — Я сплю, — твёрдо сказала она вслух. — Я ударила головой на лестнице, лежу в подъезде, и мне снится бред. Или я вообще уснула стоя на кассе, на двадцать тысяч восьмой пачке гречки. Она ущипнула себя за бедро — сильно, с вывертом. Боль оказалась острой, до слёз. — Ладно, — выдавила Анна. — Не сон. Значит, сотрясение. Галлюцинации. Такое бывает. Она поднялась на ноги. Кожанка была на месте, под ней всё та же зелёная

форменная жилетка с бейджиком «Анна. Кассир». Анна машинально отряхнула её от травы и подошла к самой кромке берега. От чёрной воды тянуло холодом и чем то металлическим, как в воздухе после грозы. Она уже потянулась потрогать мерцающую рябь, как вдруг из глубины беззвучно вынырнула ещё одна красная рыбка. Рыбка зависла прямо в воздухе, лениво повела плавниками, моргнула — у рыб же нет век! — и снова плюхнулась в озеро. — Психушка, — констатировала Аня, отступая на шаг. — Меня похитили, накачали какой то дрянью и вывезли в лес. Или это розыгрыш. Сейчас из за дерева выскочит Якубович с камерой. Из за дерева никто не выскочил. Желудок свело голодным спазмом. Анна вспомнила про рюкзак — он всё ещё висел у неё на плечах, тяжёлый и такой родной. Она рухнула на траву, скинула лямки и дрожащими пальцами дёрнула молнию. Всё на месте. Батончики

«Bite» с карамелью. Фунчоза «Sen Soy» в чёрном лотке. И бутылка «Coca-Cola Zero», та самая, по акции. Анна открутила крышку и сделала жадный глоток. Пузырьки ударили в нос, и от этого знакомого, глупого, земного ощущения ей вдруг стало чуть легче. — Жить можно, — выдохнула она, прислоняясь спиной к синему стволу. — Пару дней протяну. Главное — найти людей. Или хотя бы дорогу. Только тут она заметила, что по щекам текут слёзы — злые, горячие. Анна вытерла их тыльной стороной ладони, посидела ещё немного, пока истерика не отступила, и начала аккуратно складывать еду обратно. Пальцы наткнулись на гладкое дерево. Укулеле. Маленькая, дешёвая, с потёртой декой. Мамин подарок. Анна вытащила её и прижала к себе, как ребёнок прижимает плюшевого зайца. На секунду показалось, что дерево пахнет домом. — Ну хоть ты со мной, — прошептала она и перекинула ремешок через голову. Сзади что то сухо треснуло. Не ветка под чьей то случайной ногой. Звук был тяжёлым, ритмичным. Будто кто то бежал, чеканя шаг. Анна замерла. Из за синего ствола вынырнула фигура. За ней вторая. Высокие, плечистые, в тусклой металлической броне, они двигались слишком плавно, слишком текуче для людей. И они кричали. Это был не русский, не английский и вообще ни один язык, который Анна когда либо слышала, — гортанный, клекочущий рык, от которого волосы на затылке встали дыбом.

«Стражи», — почему то всплыло в голове. Откуда она это знала, Анна понятия не имела. Тело сработало быстрее мозга. Она подхватила рюкзак и рванула в чащу. Лес был неправильным. Синие ветви хлестали по лицу и оставляли на щеках липкие следы, которые светились в полумраке. Корни шевелились, как щупальца, и цеплялись за кроссовки. Анна неслась, не разбирая дороги, а за спиной грохотали тяжёлые шаги и звучал всё тот же жуткий клёкот. Впереди земля вдруг ушла из под ног. Анна не успела сгруппироваться и кубарем полетела вниз по склону, собирая спиной все камни и сучки. Укулеле больно ударила по рёбрам. В ушах зазвенело. Она попыталась вскочить, но чья то сильная, жёсткая рука схватила её за шиворот и рванула в сторону, в тень. — Сюда, быстро! — прошипел мужской голос прямо над ухом. Мир вокруг смазлся, будто кто то провёл мокрой губкой по нарисованной картинке. На секунду стало нечем дышать, а потом в лёгкие ударил ледяной, сырой воздух пещеры. Незнакомец втолкнул её в расщелину между камнями и сам протиснулся следом. Анна вжалась в холодный камень. Мужчина стоял рядом — высокий, в длинном чёрном плаще, который казался сотканным из самой темноты. Снаружи, совсем близко, протопали тяжёлые сапоги. Звук постоял на месте, будто прислушиваясь, а потом начал удаляться. — Кто вы? — выдавила Анна, когда лёгкие снова начали пропускать воздух. Мужчина обернулся. У него было резкое, красивое лицо, совсем молодое, но глаза казались старше самого мира. Он всё ещё тяжело дышал, будто бежал не меньше её. По виску стекала капля пота. — Вильям, — он тихо рассмеялся. — Вообще то я ждал «спасибо». Не каждый день кто то вытаскивает тебя из под носа у стражей прохода. — Спасибо, — автоматически выпалила Аня. — А кто они такие? И где мы? — Слишком много вопросов для первой минуты, — он прислушался к тишине снаружи. — Не найдут. — Как не найдут?! Они же были прямо там! — Я перенёс нас, — терпеливо, как ребёнку, объяснил Вильям. — Это не та пещера, в которую мы вбежали. Анна уставилась на него. — Ты из дурки

сбежал? — ляпнула она и тут же сама ужаснулась своей наглости. — Из... чего? — он приподнял бровь, а потом медленно окинул её взглядом:

кожанка, зелёная жилетка с бейджиком, грязные кроссовки. — А. Понятно. Ты ведь не отсюда, правда? Попаданка. Он сказал это мягко, почти сочувственно. Но Анне показалось, что слово прозвучало слишком легко. Как будто он не догадался, а просто назвал то, что знал заранее. — Откуда ты... — У вас на лице всё написано, — улыбнулся Вильям. — Вы все смотрите на наше небо одинаково. Не бойся. Тебе нельзя оставаться здесь одной, тебя сожрут в первый же час. Я отведу тебя к главе клана Мыслителей. Он помогает таким, как ты. — Мыслителей? — тупо переспросила Аня. — Мыслителей, — кивнул он. Его взгляд скользнул ниже, на её плечо, и улыбка на секунду застыла. — А это что? — Укулеле, — Анна машинально накрыла ладонью гриф, будто защищая. — Маленькая гитара. Я играю, когда нервничаю. А я сейчас, знаешь ли, очень нервничаю. Вильям смотрел на инструмент так долго, что ей стало не по себе. Что то в его лице изменилось. Это было не удивление, а скорее жадность. Так смотрит человек, который ждал обычную посылку, а нашёл внутри золото. — Об этом мне не говорили, — пробормотал он себе под нос. — Что? — Ничего, — он тут же снова улыбнулся, тепло и обаятельно, словно и не было этой секунды. — Сыграй мне. Пока ждём, когда стражи уйдут подальше. Анна прижала инструмент к груди, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Может... колыбельную? — сказала она первое, что пришло в голову, просто чтобы заполнить звенящую тишину. — Идеально.

Пальцы сами нашли знакомые аккорды — те самые, мамины. Старинная колыбельная, которую Анна никогда не слышала ни от кого другого. Тихая, тягучая мелодия поплыла под каменными сводами, и Анне на мгновение показалось, что от струн расходится едва заметное золотистое сияние. Она моргнула — и сияние пропало. Вильям вдруг перестал улыбаться. Его веки дрогнули, колени подогнулись, и он мягко, будто из него вынули все кости, осел на пол пещеры. Голова упала на грудь. Секунду спустя он издал храп — густой, раскатистый и совершенно не аристократичный. Анна замерла с пальцем, занесённым над струнами. Он что, серьёзно? Она осторожно ткнула его носком кроссовка. — Эй. Эй! Вильям! Нам же бежать надо! Вильям только причмокнул губами и что то пробормотал во сне. Сердце Анны пропустило удар, а потом забилось где то в горле. Человек, который только что перенёс её неизвестно куда одним движением, уснул от трёх аккордов колыбельной. Это было неправильно. Это было страшно. «Об этом мне не говорили». Кто — не говорил? О чём? И откуда этот человек вообще знал, что она появится? Он ведь не удивился ни её одежде, ни ей самой. Только укулеле. «Остерегайся всех. Не верь никому», — прозвучал в голове хриплый голос сумасшедшей с серыми глазами. Остаться рядом со спящим колдуном — а кем ещё он мог быть? — вдруг показалось страшнее, чем снова встретиться со стражами. Анна закинула рюкзак на плечи и выскользнула из пещеры. Ночь обрушилась на неё всей тяжестью. Небо стало густо фиолетовым, без единой звезды. Ни синего леса, ни чёрного озера — только бескрайнее выжженное поле, уходящее во тьму во все стороны. Вильям перенёс их не просто в другую пещеру, а куда то совсем далеко. Анна побежала наугад. Под ногами хрустела сухая, как пепел, трава. Она бежала, пока не закололо в боку, и уже хотела остановиться, когда впереди замерцал тусклый жемчужный свет. Это был браслет. Он лежал прямо на голой земле — плетёный, из чёрной кожи, с маленькой металлической застёжкой. А на нём сидела бабочка. Её крылья медленно раскрывались и закрывались, и от них исходило то самое мягкое, жемчужное сияние. Среди мёртвого фиолетового поля это был единственный живой свет. Руки действовали сами. Анна наклонилась и подняла браслет. Бабочка тут же переползла ей на запястье и замерла. Кожаное плетение само собой обвилось вокруг руки и затянулось. Холодный металл щёлкнул. Анна дёрнулась. Браслет сидел намертво. Она крутила его, пыталась поддеть ногтями, тянула изо всех сил — бесполезно. Бабочка на коже лишь продолжала мерцать, будто ничего не произошло. — Да что ж такое... — всхлипнула Анна и рухнула на колени прямо посреди фиолетовой пустоты.

Она обернулась туда, откуда прибежала. Пещеры уже не было видно. Вильям не появлялся. «Домой, — пульсировала в голове единственная мысль. — Я хочу домой. Пусть касса. Пусть Олег Викторович с его формой. Пусть тараканы. Только домой». Она зажмурилась и представила свою кухню: кружку с засохшим чайным пакетиком, солнце в окне, жёлтые клёны у подъезда. Запах дешёвого кофе.

Мамино сообщение в семь утра: «Привет, ты проснулась?» Бабочек, которые каждое лето бились в её окно, путаясь в тюле.

Запястье под браслетом потеплело. Щёлк. Анна открыла глаза. Перед ней, прямо в воздухе, висела дверная ручка. Старая, латунная, потемневшая от времени. Без двери. Просто ручка, висящая в пустоте. Бабочка на браслете вспыхнула ярче. — Кажется, я сейчас вернусь домой, — прошептала Анна и, не раздумывая ни секунды, вцепилась в холодный металл. Ручка поддалась. В воздухе прорисовался светлый контур — дверь, которой секунду назад не было. Позади, разрывая фиолетовую тишину поля, раздался оглушительный крик, полный ярости и животного ужаса: — Нет! Стой! Не смей! Анна узнала голос. Вильям. Но она уже навалила на ручку и шагнула за дверь.

Глава 3. Дом без теней Анна ждала чего угодно: скрипа старого паркета, запаха дешёвого кофе, кружки с засохшим пакетиком на подоконнике. Ждала так сильно, что первые несколько секунд просто стояла с закрытыми глазами и боялась их открыть. Потом всё таки открыла. Это была не её кухня. Дверь за спиной мягко, почти беззвучно закрылась, отрезав крик Вильяма на полуслове. Стало так тихо, что Анна услышала стук собственного сердца. Она стояла на пороге огромного зала. Свет здесь был неестественно ровным: он не падал сверху и не бил из углов, а словно сочился прямо из воздуха и не отбрасывал ни единой тени. Анна опустила взгляд на мраморный пол. Своей тени она не увидела тоже. — Ну вот, — прошептала она, и голос дрогнул. — Домой, называется. Это был не дом и даже не поместье. Это было что то, где законы физики, кажется, просто взяли выходной. В Муроме Анна насмотрелась на старые купеческие особняки с облупившейся лепниной, мимо которых ходила в школу. Здесь лепнины не было вовсе. Стены были абсолютно гладкими, тёплого песочного цвета, и казалось, что если приложить к ним ладонь, рука уйдёт внутрь, как в густой кисель. Проверять Анна не стала. Она запрокинула голову. Потолка не было. Точнее, он терялся где то в молочной клубящейся дымке, из которой вниз медленно падали крупные тяжёлые снежинки. До пола они не долетали: в полуметре от мрамора просто растворялись, не оставляя ни капли влаги. Вместо люстр пространство пронзали иглы холодного синеватого света. Они ни на чём не висели, а просто стояли в воздухе, как застывшие молнии. Одна оказалась прямо перед лицом. Анна махнула рукой, чтобы отогнать её, но рука прошла насквозь, не встретив сопротивления, а свет даже не шелохнулся. Винтовая лестница из тёмного, почти чёрного дерева спиралью уходила в снежную мглу. Нижние ступени выглядели надёжными, но Анна готова была поклясться, что та часть, которая скрывалась в тумане, висит в абсолютной пустоте. В глубокой нише сбоку стоял массивный диван, обитый тёмно бордовым бархатом. Он выглядел так, будто его только что привезли из музея. Анна осторожно присела на самый краешек и тут же вскочила: обивка была тёплой. Словно кто то встал отсюда секунду назад. — Здесь есть ктонибудь? — спросила она шёпотом. Никто не ответил. Рядом высился книжный шкаф до самой дымки. Книги в кожаных переплётах с золотым тиснением, только на корешках не было ни названий, ни авторов. Анна вытащила один том — тяжеленный, с золотым обрезом — и открыла. Страницы были абсолютно чистыми, девственно белыми и пахли озоном и старым пыльным камнем. Она вытащила второй, третий, пятый. Та же пустота. Тысячи книг, в которых не было ни единого слова. Анна поставила книги на место, стараясь не думать, почему у неё дрожат руки. И тут она заметила дверь, через которую вошла. Изнутри она выглядела совсем обычно: тяжёлая, дубовая, с той самой латунной ручкой. А над ручкой в дерево была врезана маленькая бабочка, тонкая и изящная, с раскрытыми крыльями. Анна перевела взгляд

на своё запястье. Бабочка на браслете была точно такой же. — Так вот куда ты меня привела, — пробормотала она. — Ну спасибо. Я просила домой. Бабочка на браслете мерцала ровно и безмятежно, словно ничего лучше и быть не могло. Вдруг сквозь стерильный запах снега и озона пробился другой — густой, пряный аромат жареного мяса, укропа и чего то неуловимо сладкого, похожего на карамелизированный лук. Запах был таким плотным, что, казалось, его можно резать ножом. Желудок Анны, привыкший к дежурной пачке пельменей «Мираторг», болезненно сжался. Где то готовили еду. Значит, где то были люди. — Эй! — крикнула Анна. Голос не разнёсся эхом, как должен был в таком огромном зале, а просто увяз в тишине, словно в вате. — Есть кто живой? Тишина. Только снежинки беззвучно таяли в воздухе. Она пошла на запах. В дальнем конце зала обнаружилась тяжёлая дубовая дверь, плотно закрытая. Из за неё доносились звуки: глухой размеренный стук ножа по доске, шипение масла на сковороде, бульканье чего то в кастрюле. Кто то определённо готовил. Анна занесла руку, чтобы постучать, и замерла. А если хозяин псих? Нормальный человек так дом не обставит. И что она ему скажет? «Здравствуйте, я кассир из «Пятёрочки», меня укусила пушистая рыбка, за мной гнались стражи, а потом я вошла к вам через дверную ручку в воздухе»? Она осторожно поскреблась костяшками пальцев. Стук ножа не прервался ни на секунду. Никакого ответа. «Странно, — подумала Аня, отступая. — Очень странно». Разум кричал, что надо уходить, пока хозяин не вышел и не спросил, что она делает в его доме. Вламываться к незнакомым людям — последнее дело. Тем более к людям, у которых книги без слов и снег вместо потолка. Анна развернулась, почти бегом вернулась к двери с бабочкой и дёрнула латунную ручку. Дверь не поддавалась. Анна дёрнула сильнее, потом навалилась всем плечом. Толкнула от себя, потянула на себя. Тяжёлое дерево стояло намертво, будто было частью стены. — Так, спокойно, — пробормотала она, пытаясь унять дрожь. — Спокойно. В старых домах бывают хитрые замки. Она начала осматривать дверь всерьёз. Замочной скважины не было. Анна пошарила рукой по массивной притолоке, ощупала резные панели по бокам, нажала на бабочку — вдруг это кнопка. Ничего. Она опустилась на колени и заглянула в щель под дверью. Там должна была быть та самая фиолетовая пустошь, но виднелся только такой же светящийся мрамор. Будто за дверью начинался ещё один такой же зал. Анна выпрямилась, отошла на шаг и всем весом, с разбега, налегла на ручку. Дверь даже не скрипнула. — Да чтоб тебя! — в сердцах крикнула она и ударила по дереву кулаком. Боль в костяшках немного отрезвила. Окна. Должны же быть окна. Огромные арочные окна нашлись в противоположной стене, высокие, от пола до самой дымки. Анна вцепилась в латунный шпингалет и потянула. Он не сдвинулся. Она надела плечом на створку, толкнула стекло ладонями, ударила, уже не думая, что может порезаться. Ни малейшего зазора. Стекло было гладким, холодным и, казалось, срослось со стеной в одно целое. За ним не было ни Муромы, ни Подмосковья, ни фиолетового поля. Там клубился всё тот же молочный туман, и в нём беззвучно падал невозможный снег. Внезапно запястье под браслетом обожгло так, будто к коже приложили раскалённый утюг. — Ай! — вскрикнула Анна и затрясла рукой. Боль была острой, пульсирующей. — Это ещё что такое?! Она посмотрела на браслет. Бабочка продолжала мерцать ровным светом, но само плетение стало обжигающе горячим. Анна отдёрнула руку от окна, и жар начал понемногу спадать. И тут до неё дошло, внезапно и очень неутешительно. Это не украшение. Это ключ. Браслет открыл ей дверь посреди поля, потому что эта дверь ведёт сюда, в дом с бабочкой над ручкой. Он впустил её. А теперь не выпускает. И каждый раз, когда она пытается вырваться, напоминает об этом болю. — Я что, теперь и тут застряла? — прошептала Анна. Ноги вдруг стали ватными, и она медленно осела на холодный мрамор прямо под окном. Сколько она так просидела, она не знала. Снежинки падали и таяли. Иглы света стояли неподвижно. Где то за дубовой дверью всё так же стучал нож. Есть хотелось всё сильнее. — Ладно, — наконец сказала Анна вслух, просто чтобы услышать живой голос. — Если уж помирать в запертом доме, то хотя бы не на голодный желудок. Держась за всё ещё горячее запястье, она поплелась обратно к кухне. Толкнула дверь, уже ни на что не наде-

ясь. Дверь открылась легко и беззвучно, будто только и ждала. Кухня оказалась под стать залу — огромная, выложенная плиткой цвета топлёного молока. В центре возвышался остров из цельного куска мрамора, на нём лежали идеально наточенные ножи. Над огромной чугунной плитой висела медная вытяжка, начищенная так, что больно глазам. На крючках поблёскивали медные ковши. В воздухе, смешиваясь с запахом еды, стоял лёгкий аромат озона — будто здесь только что ударила молния. На плите шипела сковорода. Над разделочной доской сам собой поднимался и опускался нож, нарезаая укроп ровными тонкими колечками. Деревянная ложка неторопливо помешивала что то в кастрюле. Повара не было видно. — Здравствуйте... — неуверенно сказала Анна пустой кухне. Нож на секунду замер, будто прислушиваясь, а потом продолжил резать. Анна сглотнула. Всё сверкало хирургической чистотой. Всё было на своих местах. И это пугало сильнее, чем если бы здесь стоял живой человек с тем самым ножом в руке. У стены стоял огромный дубовый стол, рассчитанный человек на двадцать, а рядом глубокое мягкое кресло. Анна даже не села, а рухнула в него, сбросив с плеча рюкзак. Кресло приняло её так уютно, что на секунду захотелось просто закрыть глаза и не думать ни о чём. Трогать чужую еду она не стала. Мало ли. Вместо этого полезла в рюкзак, вытащила лоток фунчозы, сорвала плёнку и вдохнула знакомый запах соевого соуса и кунжутного масла. Только сейчас она поняла, насколько проголодалась. Последний раз она ела бабушкину карамельку в подсобке, тысячу лет назад, в другой жизни. Она подцепила лапшу пальцами и поднесла ко рту. Прямо перед её лицом из воздуха возникло красное, пухлое лицо какого то мужчины. Он был похож на воздушный шар, который накачали гневом до предела. Щёки тряслись, усы стояли дыбом, а маленькие глаза буравчики метали молнии. Ниже лица клубился густой багровый туман. — Про о очь! — взревел он так, что у Анны заложило уши, а медные ковши на крючках зазвенели. — Пошла про о очь! На моей кухне никто не смеет есть еду, приготовленную не мной! Никто! Пошла во о он! Анна вытаращила голубые глаза и вжалась в спинку кресла. Тело само попыталось отползти назад вместе с мебелью. Кресло накренилось, на мгновение зависло на задних ножках и с грохотом опрокинулось на спину. Фунчоза разлетелась по безупречно чистой плитке. — Моя пли и итка! — взвыло лицо так, будто его ранили. Анна не стала дожидаться продолжения. Она вскочила, кое как запихнула пустой лоток в рюкзак, путаясь в лямках, и бросилась вон из кухни. Она пролетела через весь зал и остановилась только у двери с бабочкой. Привалилась к ней спиной и сползла на пол, обхватив колени руками. Ноги тряслись. Всё тело била мелкая дрожь. Дыхание никак не хотело выравниваться. — Что тут вообще происходит... — прошептала она. — Мапочка, что тут происходит... Никто не гнался за ней. Из кухни снова доносился мерный стук ножа, будто ничего и не случилось. Время в этом доме, казалось, загустело. Анна не знала, сколько она там просидела: час, два, пять. Снег падал, свет не менялся, тени не появлялись. Постепенно паника отступила, и на её место пришло глухое, выматывающее отчаяние. Плакать уже не было сил. Она вспомнила, что так и не позвонила маме. Что обещала приехать завтра. Что «завтра» теперь неизвестно когда наступит. Анна подложила рюкзак под голову и прижала к себе укулеле, как в детстве прижимала плюшевого зайца. Свернулась калачиком прямо на холодном мраморе у запертой двери. Над ней, едва заметно мерцая, светилась маленькая деревянная бабочка. Убаюканная запахом чужой еды и стуком невидимого ножа, Анна провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

Глава 4. Клан Бабочки

Анна проснулась не от будильника и не от маминого сообщения, а от звенящей, абсолютной тишины.

Первые несколько секунд она просто лежала с закрытыми глазами и пыталась понять, почему ей так мягко. Мраморный пол у двери был холодным и твёрдым, это она помнила. А сейчас под ней было что то невероятно мягкое. Перина казалась почти живой: она обволакивала тело и баюкала, будто уговаривала не просыпаться и забыть вчерашний день.

Анна открыла глаза.

Потолка не было. Над огромной кроватью с балдахином из невесомого шёлка раскинулось звёздное небо. Звёзды не мигали: они были вышиты серебряной нитью прямо по тёмно синему бархату и тихо светились изнутри. Стены комнаты казались прозрачными, как утренний туман, и сквозь них медленно, лениво проплывали светящиеся медузы.

Анна села, кутаясь в одеяло, и огляделась. В углу стоял туалетный столик из светлой кости, на нём не было ни пылинки. Одну стену целиком занимало окно в пол. За толстым стеклом не было ни улицы, ни сада. Там клубились густые фиолетовые облака, подсвеченные снизу тревожным багровым светом. Казалось, если открыть раму, можно просто шагнуть в эту бездну.

По плечам пробежал холодок. Анна опустила взгляд и с ужасом поняла: она абсолютно, совершенно голая.

— Ой, — пискнула она и натянула одеяло до самого подбородка.

— Ой ой ой...

Паника ударила в голову. Где её джинсы? Где кожанка, жилетка, рюкзак? Где укулеле?

Анна вскочила, запуталась в складках шёлковой простыни, чуть не упала и судорожно огляделась. Рюкзак стоял у кровати, аккуратно прислонённый к тумбочке. Из него торчал гриф укулеле. Анна выдохнула так, будто с плеч свалился мешок с картошкой.

На изящном кресле с гнутыми ножками рядом с кроватью была сложена одежда. Не её. Видимо, приготовленная для неё.

Платье. Цвета неба. Правда, небо в этом странном мире было скорее фиолетово розовым, поэтому ткань отливала аметистом. Крой оказался на удивление привычным: ниже колен, с небольшим V-образным вырезом. От горловины до подола платье было расшито тонкими жёлтыми вензелями, мелкими причудливыми завитками, похожими на нотную запись. Рядом лежал толстый жёлтый шнур вместо пояса и заколка, прозрачная, как застывший лёд. Внутри неё горели яркие, неестественно синие цветы.

Своей одежды Анна нигде не нашла. Выбора не было.

Платье село идеально, словно его шили прямо на неё. Анна подошла к высокому зеркалу в тяжёлой раме. Оттуда смотрела незнакомка — барышня из старинной усадьбы, только с расчёпанными белыми кудряшками и испуганными глазами.

— Ну блин, — пробормотала она, пытаясь завязать пояс дрожащими пальцами. — Вообще не мой стилёк. Но выгляжу вроде неплохо.

Она собрала волосы и заколола их ледяной заколкой. Синие цветы внутри будто вспыхнули чуть ярче.

— А кто меня раздел? — спросила она у зеркала. — И кто меня сюда перенёс?

Отражение промолчало.

Анна посмотрела на запястье. Браслет никуда не делся. Бабочка мерцала ровным перламутровым светом, а кожа под плетением больше не горела.

«Зачем я вообще его надела? — мелькнула паническая мысль. — Хотя... если бы не надела, так и сидела бы посреди того поля. Или Вильям бы меня догнал».

От этого имени по спине пробежал холодок. Вильям. Его улыбка. «Об этом мне не говорили». И клан... как он сказал?

Что то на «М». Мыслящие? Мыслители. Точно, Мыслители.

Её размышления прервал стук в дверь — вежливый, но уверенный.

Анна подскочила, на секунду замерла, а потом решила, что прятаться под кроватью в таком платье глупо. Она подошла и потянула тяжёлую дверь на себя.

На пороге стоял высокий парень. Тёмные волосы аккуратно подстрижены, рубашка застёгнута на все пуговицы, поверх неё тёмный жилет. Лицо спокойное, а взгляд внимательный и собранный, как у врача скорой помощи, который уже понял, что пациент жив, и теперь прикидывает, что с ним делать дальше.

— Вам очень идёт платье, — сказал он, едва заметно улыбнувшись уголком губ.

— С-спасибо, — растерялась Анна.

Она набрала в грудь воздуха. Вопрос жёг язык, и задать его надо было сейчас, пока хватало смелости.

— Это... это... эм... Это вы меня раздели?

Парень на секунду опешил, а потом искренне, по доброму рассмеялся.

— Нет, что вы. Служанка. Она приходит по утрам убирать дом. Я нашёл вас спящей у входной двери, отнёс сюда и позвал её. У нас принято спать без одежды: так силы мира лучше впитываются и тело набирает больше энергии. Ваши вещи сейчас стирают, их вернут.

Анна почувствовала, как щёки заливает краска, и поспешно перевела взгляд ниже его лица. На бледной коже шеи, чуть ниже уха, сидела бабочка. Не нарисованная — она будто была частью кожи и светилась ярко зелёным, сочным цветом свежей листвы.

— Прикольная татуха, — ляпнула Анна.

— Тату... что? — удивился парень.

— Ну, на шее. Бабочка.

Он машинально коснулся шеи пальцами.

— Это не татуировка. Это знак клана. — Он кивнул на её запястье. — Такая же бабочка, как на вашем браслете. Я его сразу заметил, когда вас нашёл. Это гостевой ключ от моего дома. Только вот я совершенно не помню, чтобы вас приглашал.

Анна спрятала руку за спину, будто её поймали на краже.

— Я его нашла, — быстро сказала она. — Честно. Он просто лежал.

— Верю, — спокойно ответил он. — Иначе вы бы так отчаянно не ломились наружу. Служанка сказала, на двери следы от кулаков. — В уголке губ снова мелькнула улыбка. — Об этом потом. Пойдёмте завтракать. Вы, наверное, очень голодны.

— Не откажусь, — честно сказала Анна. Желудок тут же подтвердил это громким урчанием, и она покраснела ещё сильнее. — Только... я боюсь туда идти.

— Почему?

— Там вчера чьё то злое лицо на меня орало. Красное такое, круглое. Или мне приснилось?

— Не приснилось, — вздохнул парень. — Это Рони. Дух. Мой прапрадед заключил с ним договор, когда строил этот дом. Рони готовит для нашей семьи, пока жив хоть один из нас, а за это может жить здесь сколько захочет. — Он помолчал. — Он неплохой, просто очень трепетно относится к своей кухне. Кажется, вы пытались есть там что то своё?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.